

Юрий Валерьевич Мороз

Днище

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51338072

SelfPub; 2020

Аннотация

В этой книге практически нет сюжета, нет классического построения и какой-то морали. Это рассказ, простой, как жизнь. Начинается ничем и ничем заканчивается. Кому-то истории могут показаться надуманными, даже из разряда несуществующих. Но поверьте, для многих и многих людей это повседневность. Как говорят: «такая жизнь». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1

– Ну, давай, пни уже!– подзадоривал Сашка своего нерешительного друга, – пинай, говорю, а то сифой будешь всю жизнь. Хочешь?

– Не, не хочу, – в Паше боролись, с одной стороны, безразличный страх, а с другой просто страх быть сифой до конца своих дней.

– Фу, сифа! Сифа!– подзадоривал Сашка, тыча Паше чуть не в лицо пальцем с таким ногтем, от которого любая маникюрщица сладостно потёрла бы руки, предвкушая безбедную жизнь.

– Да заткнись ты уже, щас пинану! – и Пашка занёс ногу для удара.

В голове молнией, озарившей тёмный пустующий гараж, где у людей обычно паркуются мысли, блеснуло: «Я же старше, могу этого дебила не слушать». Но Саша уже выплясывал вокруг такой замысловатый танец, что самому затерянному племени людоедов впору было взять у него пару уроков.

«Да ну его в жопу, растреплет потом, что я зассал», – подумал второй раз подряд Пашка и приложил ладони к вискам. Голова начинала болеть то ли от дважды повторившегося мыслительного процесса в неприспособленном для этого месте, то ли от выкриков имбецильного Сашки, который, не

переставая, сотрясал воздух обидными синонимами к слову «трус».

Всё это время нога Пашина, в напряжении оттянутая назад, готова была поддаться гипнотическим Сашкиным мантрам и совершить то, ради чего была поднята своим хозяином. Какая-то доля секунды, и кроссовок из кожзама с тремя полосками и заключённой в нём ногой, не очень стремительно, вполсилы ткнулся в филейную часть лежавшего в кустах тела. Ребята отскочили за дерево и помолчали секунд двадцать. Потом Сашка стукнул Пашу по плечу:

– Ну ваще, ну ты красава!

– Да подожди ты, слішь, он, походу,дохлый. Даже не пошевелился.

– А ты его стукни посильнее, – посоветовал Сашка, глядя на тело перепуганными глазами.

– Сам стучай, я только что пнул!

– Да чё ты там пнул еле-еле, у меня брат мелкий сильнее бы пнул.

– Ну так иди и сам пни, понял?!

– И пойду! – сказал Сашка и неуверенным шагом пошёл, силой воли отодвигая момент запуска процесса перистальтики.

Он тихонько тронул ногой в районе плеча, но снова ничего не произошло.

– Да ты со всей силы вмажь, чё ты, а то будешь лошарой, – подначивал теперь уже Пашка, с удовольствием став из об-

виняемого обвинителем.

Сашка пнул сильнее, потом ещё, потом отошёл, разбежался и, как в футболе, ударил с пыра прямо в ухо обосновавшемуся в кустах туловищу.

– А, сука, бля! – крикнул труп, – Валера, падла, я те щас голову оторву и в жопу засуну, чебурек с говном, плинтус червивый, – и, продолжая на ходу изобретать фразы, о которых никогда не слышали Даль с Ожеговым, но смысл которых был сразу понятен, бывший труп встал на четвереньки и, как лев, потряс гривой с листьями и палочками, которые напоминали скорее гнездо, покинутое птицами навсегда.

Коллеги по удавшемуся эксперименту воскрешения из мёртвых, изрядно перетрусив, побежали через лесок к себе во двор. Из окна уже наполовину торчала Сашкина мама, приглашавшая их для исполнения ежедневного обеденного ритуала.

– Идём! – крикнули они хором и пулей побежали в подъезд.

Глава 2

Бывший бизнесмен, а ныне профессионал в употреблении всего, что горит и ночёвках в экстремальных условиях, с чудом оставшейся пропиской без закреплённой, правда, жилплощади, Леонид Израилевич Куц потирал ушибленное ухо в попытке сообразить всё сразу. Непонятно было и то, как его зовут, и то, что он тут делает, и всякие другие мелочи жизни. Единственное, что можно было точно определить по тёплому комку чуть ниже спины, это единственное определять не хотелось. В голове, в разжиженных жизнью мыслях, плавала твёрдая, угловатая фраза: Валера, падла! Она царапала измученный мозг, билась о стенки черепа, желая вырваться из заточения и полететь на юг с перелётными птицами, оставив своего тюремщика и дальше поживать в кустарнике в испачканных алкогольной комой штанах.

Лёня Куц, сделав сверхусилие, вспомнил всё разом, и от этого стало душно и затошнило. Затем он вытер грязный рот рукавом не менее грязного пальто и встал. Потом присел на корточки и незаметно избавил свою единственную пару брюк от отяжелявшего их и душу груза.

– Фух, выпить бы, – сказал Лёня вслух самому себе и удивился, услышав чужой, упавший до самых низших октав, голос.

Правое ухо горело, но вспоминать Куца было не кому, по-

этому смутная догадка о покушении на целостность верхней части его туловища превратилась в непоколебимую уверенность вины того самого Валеры, образ которого столь метко очерчивался словом «падла». Но мстить, сколь бы благородными ни были порывы, не представлялось возможным без поправки здоровья. В карманах, тем временем, не оказалось ничего, пригодного для обмена в местном магазинчике, любовно называемым «Любушка» по имени тёти Любы, продавщицы. В общем, любовь-любовь, кругом одна любовь. Правда, у населения, не столь озабоченного орошением иссохшегося горла, это место именовалось «рыгаловкой». По вполне объективным причинам.

Когда «Любушка» уже маячила в зоне досягаемости, в карманах пальто бывшего бизнесмена были две пивные бутылки и 53 копейки мелочью, выпрошенные у прохожих.

– И чё? – сказала тётя Люба, глядя на всё движимое имущество Куца, выставленное на прилавок, – вот те рубль, и вали отседа.

Маленькая светленькая монетка звякнула о столешницу, подкатившись к 53-м копейкам, как бригадир к рабочим. Лёня не двигался.

– Ну, чё замер, морская фигура?

– Люб, это, дай поправиться, а? Завтра занесу, честное пионерское.

– А остальное когда? В день Великой Октябрьской Революции? Вали отседа, пионер-переросток, – и тётя Люба пока-

зала пухлый кулак размером с перезревший херсонский помидор.

Ситуация складывалась патовая, грозившая перерасти в мат в один ход. Притом, мат оставался за более сильным и удачливым противником, тётёй Любой, а ход за Куцем, да и тот назад.

Лёня сгрёб мелочь и так и пошёл, зажав её в кулаке, ибо карманы были пригодны только для ловли крупной рыбы и вентиляции. Непонятно, зачем этот аксессуар вообще был в Лёнином гардеробе. Рыбалку он не любил, а вентиляция не могла помочь заскорузлomu, отполированному рванью брюк обрести былую свежесть. Мелкие предметы пропадали там, как корабли в Бермудском треугольнике.

– Да пошла ты, стерва старая, чтоб я ещё хоть раз... – бубнил Куц под нос, явно опасаясь, что его бравада достигнет цели и потревожит чуткий Любушкин слух.

– Чиво?! – заорала тётя Люба, – ты ещё и ругаешься, хрон?!

– Не-не, ты чё, это я не тебе, – сказал Лёня и быстро ретировался с поля брани.

Нужно было срочно что-то решать.

«Для скорейшего достижения цели лучше всего действовать наиболее проверенными средствами», – решил Куц и пошёл к ближайшему мусорному баку для разведки и извлечения оттуда драгоценной стеклянной руды, которая перерабатывалась в абсолютно ликвидный товар, называемый

«деньги».

Глава 3

Каждый день, с восьми утра до восьми вечера, с понедельника по субботу, с перерывом на обед с часу до двух, двух с половиной, а иногда даже до трёх часов, тётя Люба, в миру Любовь Ивановна Каткова, работала стрелочником. Она умело направляла поезда, вагонетки и дрезины, гружённые золотом пенсий, зарплат и случайных заработков в кассу магазина с околоспортивным названием «Угловой», не забывая при этом о нуждах своей разнокалиберной семьи.

Как-то раз директор, он же и владелец, заподозрив безнравственное изъятие своего кровного, попросил Любовь Ивановну предъявить к просмотру внутренности её тугой сумки. Побледневшая всем периметром лица, она разложила пред ясны очи директора всяческое съестное и разные жидкости в бутылках из чистейшего стекла.

Директор, будучи мужчиной вежливым, галантным, любящим театр и раннего Пушкина, попросил тётю Любу прогуляться без возврата и не испытывать ни малейших надежд на полагающуюся ей в конце месяца зарплату. Что она и сделала с готовностью, вытирая большими ладонями потрёпанное лицо, и клянясь на ходу всеми существующими и импровизированными родственниками в своей невинности.

Через два дня, трижды пересчитав все товары, и, к величайшему своему изумлению не обнаружив и следа недоста-

чи, директор нанёс Любови Ивановне Катковой визит, подарил букет из пяти роз, выдал зарплату, премию и поцеловал ручку. Всё это было сделано с целями, прямо противоположными романтическим. Раз проверка пройдена, то лучше уж иметь за прилавком одной из самых прибыльных точек надёжного человека. Тётя Люба, за эти два дня выплакавшаяся все глаза, с грациозностью светской львицы приняла извинения и согласилась вернуться на любимое рабочее место, тем самым заключив негласный договор дальнейшего невмешательства с учётом отсутствия недостат.

С тех пор тётя Люба стояла в магазине нерушимо, как Ленин после 24-го года в Мавзолее.

Но жизнь Любови Ивановны была подобна медали о двух сторонах. И кроме деловой, которая была ярко начищенным аверсом, где-то в районе сердца находился реверс, спрятанный от всех, кроме ближайшей подруги-собутельницы Петровны. Этим реверсом была личная жизнь тёти Любы, о которой не всё знали даже члены её семьи. С целью излить всё накопившееся за долгие годы и создана была природой, Богом или, как думал Эйнштейн, эволюцией, Петровна. Каждую пятницу две достопочтенные матроны брали пузырь водки. Не литр, но и не половину, а три четверти, золотой эталон дружеской посиделки из двух человек. Так, со временем Петровна, которую звали, конечно же, Анжела, стала хранительницей Любиных секретов, вырванных страниц из книги её нелёгкой жизни.

Глава 4

Пиня сидел на скамейке у подъезда, провожая прохожих взглядом, которого не было видно из глубины лица, опухшего, как надутая кожаная грелка. Он был матёрым жителем улицы, с помощью алкогольных излишеств исключившим себя из бытовых дразг и четырехугольника семьи, состоявшего из жены и двоих детей. Благоверная, в силу неверных представлений о жизни терпевшая его восемь лет, в один прекрасный день просто поменяла в двери замки, отравив бандеролью в форточку Пинины пожитки.

Сколько он так жил, неизвестно, но никто не знал, что написано в его паспорте в графе «имя, фамилия, отчество», и был он просто Пингвин. Пиня. За время такой аскетической жизни его мировоззрение и приоритеты сильно поменялись. Трезвость ума и бодрость духа были теперь равноценны мучительной гибели. Поэтому, не найдя в себе никаких талантов и способностей, Пиня стал доставлять оральные удовольствия своим более удачливым коллегам, которые иногда подшаманивали на погрузке-разгрузке чего угодно за еду, алкоголь и даже деньги. Это была каста, от которой веяло сытостью и хмелем, и к которой было выгодно примазаться. Способы же интеграции значения давно не имели, поэтому Пиня был всё время под мухой и даже иногда чувствовал приятную тяжесть в желудке от яств, щедро бросаемых ему

прямо на землю.

К скамейке подошёл Лёня Куц, которого все называли Куций, подсел к Пине и, не здороваясь спросил:

– Слушай, ты Валерку не видел?

– Не, – сказал Пиня, мотнув головой, от чего его повело в сторону, и стал изображать Пизанскую башню, хоть никогда не был за границей.

Куций с завистью покосился на Пиню, потому что сам он ещё не перешагнул ту невидимую грань, за которой было уже не дно, не самое дно, а полная, огромная, бездонная чёрная дыра, называемая в народе просто: «жопа». Чёрная дыра, вытягивающая в себя время, пространство и нормы морали.

Лёня стал вымещать свою злость на более слабом и обеспеченном, как это испокон века принято у революционного класса.

– Слышь, пидар, тебе сколько лет-то? А? – задал он первый пришедший в голову вопрос. Логика таких тестов оставляла желать всего наилучшего, а вот результат ещё никогда не подводил. Ещё пара вопросов, и можно отвести душу, попинав незадачливого собеседника, который всё равно ничего не примет на свой счёт.

Пиня пожал плечами, продолжая с философским упорством созерцать улицу.

– Слышь, чё молчишь? Не уважаешь меня, что ли? А, со-сало распухшее?

Будь Пиня буддистским ламой, медитировать много лет

подряд для него не составило бы особого труда. Реакции с его стороны не было настолько, что это могло вывести из себя и более чувствительного собеседника. Оставался вопрос №3 про остроту слуха с последующим вызовом на дуэль, где у Пини было столько же шансов одержать победу, как у сборной России по футболу на чемпионате мира.

Из подъезда вышли два подростка, испуганно глянули на Куцего и ускоренным шагом продефилировали мимо.

– А ну стопэ! – скомандовал Лёня, – ходь сюда, пацаны.

– Мы? – дрожащим голосом спросил Сашка.

– Нет, бля, дядя Петя из Самары. Вы, вы.

Ребята медленно подошли, усердно выискивая глазами что-то в районе кедов.

– Слышь, господа, вы Валерку знаете?

– Из 7-го «б»? – с надеждой спросил Пашка, который рад был отвести от себя тень подозрения в попытке сыграть в футбол предметом, к спорту не относящимся.

– Гэ, бля. От дебилы. Дядю Валеру из соседнего подъезда. Бородатый, как пират, и шатается вечно, как на палубе в шторм.

– Так, это, его ж вчера похоронили вроде, – Пашка глянул на Сашку, ища поддержки, но тот продолжал изучать носки своих кедов, ни о чём другом, казалось, не думая.

– Как так? Он чё ж это, умер, что ли?

– Ага, совсем.

– Во, бля! – Куций на секунду задумался, – так. А деньги

у вас есть? На веночек всемирному любимому дяде Валере.

– Не, денег нету. Откуда у нас? – пролепетал Сашка, которому жгли карман две свёрнутые десятирублёвки.

– Слышь, а ну не жадничай, – и Куций стал подходить, смотря на мальчиков в упор, – там сиротки бедные голодают, а ты жлобишься. Доставай бабки, клоп, а то щас сниму ремень и пропишу по первое сентября. Понял?

Так как беспочвенность угроз в виде полного отсутствия ремня не была видна из-за пальто, Сашка дрожащей рукой отдал Куцему неосуществлённый обед в Макдональдсе, прощаясь взглядом с деньгами, как с лучшим другом.

– А ты хули как засватанный, – повернул куц к Паше по добровольному от купюр лицо, – есть чё? А?

– По-по-понима-мает-те, это мне м-м-мама на кроссовки...

– Ах ты, недоросль меркантильная, – Лёня взял протянутую пятидесятирублёвку, – там деточкам жрать нечего, а ему кроссовки. В этих походишь, тефлон. И чтоб никому, ясно? Благотворительность должна оставаться в тайне. А теперь валите галопом. Ну! Пшли!

Ребята так быстро исчезли из поля зрения, что Пиня, даже если бы понял, что это были его спасители, вряд ли бы успел их поблагодарить. Куций, забыв о его существовании, твёрдым шагом направился в «Любушку», чувствуя превосходство платежеспособного человека. О Валере он так и не вспомнил, потому что, помедли Лёня ещё чуть-чуть, и от-

правился бы в тот же санаторий, где у Валерки была теперь вечная прописка.

Глава 5

Если бы Анатолий Иванович был графом, как Толстой, которому не надо было каждый день думать о хлебе насущном, может быть и его имя вошло бы в анналы русской литературы описанием бездонного неба. И пусть это небо не над каким-то Аустерлицем, а над более прозаичными местами его родного города, но Анатолий Иванович созерцал его последние двенадцать лет практически ежедневно, проводя часы сиесты на свежем воздухе. Лёжа лицом вверх, не шевелясь из боязни расплескать с таким трудом добытое спирто-содержащее любой породы, он словно питался энергией бесконечности и никак не мог покинуть этот надоевший неудобный мир. Хотя и честно пытался это сделать.

Попыток было 28, но в приёмном отделении небрезгливые санитары, которым была не в радость лишняя бумажная возня, сводили эти пробы на нет с помощью клизмы и марганцовки. Несколько раз даже ставили капельницу. Хотя, судя по оставшимся на руках синякам, Анатолий Иванович принёс немало пользы науке, послужив для стажёров учебным пособием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.